

Эшматов Р.

**КУБАТБЕК ЖУСУБАЛИЕВДИН «МУЗДАК ДУБАЛДАР»
РОМАНЫНДАГЫ ТҮШТӨРДҮН КӨРКӨМ ФУНКЦИЯСЫ**

Эшматов Р.

**ФУНКЦИИ СНОВИДЕНИЙ В РОМАНЕ
КУБАТБЕКА ДЖУСУБАЛИЕВА «ХОЛОДНЫЕ СТЕНЫ»**

R. Eshmatov

**FUNCTIONS OF DREAMS IN
KUBATBEK JUSUBALIEV'S NOVEL «COLD WALLS»**

УДК: 82/821.0

Бул макалада жазуучу Кубатбек Жусубалиевдин “Муздак дубалдар” романындагы адабий түштөр көркөм талдоого алынат. Башкача айтканда, көркөм түштөрдүн чыгарманын тутумундагы көркөм-эстетикалык көп жактуу функциялары: маселен, адабий түштөрдүн ассоциативдүү-поэтикалык кызматтары – символдук, образдык моделдери – психологиялык табияты, адабий түштөрдүн хронотоптор – көркөм мезгил-мейкиндиктер менен болгон татаал байланыштары; көркөм түштөрдүн объективдүү мезгил-мейкиндиктерди уюштуруучу, субъективдүү мезгил-мейкиндиктерди чагылдыруучу жагдайлары – сюжеттик-композициялык жактан уюштуруучу, чагылдыруучу сыяктуу мүмкүнчүлүктөрү талдоого алынат. Ыкма-каражаттар өз кезегинде философиядагы “бейан” (бессознательное) жөнүндөгү окууларды колдонуу менен адамдын (кейшкердин) менталдуу дүйнөсүнө басым жасашып, жан-дүйнөнүн (психиканын) мыйзамдары (бейан көрүнүштөрү) адам жашоосунда өтө ачык, рельефтүү көрүнөрүн, катышарын байкашып, адам баласынын менталдуу дүйнөсүнүн өзгөчөлүгүн, башкача айтканда, адамдын ой жүгүртүүсүнүн татаалдыгын көркөм чагылдырып, кармап берүүгө аракет кылган. Макалада “Муздак дубалдар” романынын ушундай адабий-эстетикалык табияты терең талданат.

Негизги сөздөр: абсурд, бейан, Кубатбек Жусубалиев, адабий түш, жаңылануу, ой агым, психология, көмүскө, экзистенциализм.

Статья посвящена анализу такого приёма, как литературный сон, на примере романа “Холодные стены” видного кыргызского писателя Кубатбека Жусубалиева. Показаны художественно-эстетические функции литературных снов в системе данного романа: ассоциативно-поэтические функции литературных снов как символы, образные модели как отражение психологической природы, сложные связи литературных снов с хронотопами (пространственно-временными координатами). Выполнен анализ таких возможностей художественных сновидений, как организация объективных пространственно-временных парамет-

ров, отражение субъективных пространственно-временных явлений, а также роль снов в сюжетно-композиционной организации романа. Для романа “Холодные стены” характерен такой прием, как “поток сознания”. Именно поэтому в романе часто используются методы “самоанализа” (переживания). Такой подход, опираясь на элементы философского учения о “бессознательном” позволяет акцентировать внимание на ментальном мире человека (героя), наблюдать, как законы души, проявляясь, рельефно подчеркивают события и мысли, образно отображая особенности внутреннего ментального мира героя. Таким образом литературные сны занимают центральное место в раскрытии образа и характера главного героя романа.

Ключевые слова: абсурд, бессознательное, Кубатбек Жусубалиев, литературный сон, модернизм, поток сознания, психология, скрытое, экзистенциализм.

The article analyses dreams in Kubatbek Jusubaliev's novel “Cold walls” (“Muzdak dubaldar”). In particular, dreams' artistic-aesthetic functions in fiction's plot: dream worlds relationship with associative and poetic roles, symbolic, figurative models, physiological nature, the chronotopes - configurations of time and space are represented in language and discourse; dreams as an arranger and reflector of subjective and objective time and space, plot and composition will be studied. The novel “Cold walls” brought novelty in its form and content into national novel writing. As a result, the self-knowledge method was applied. Alongside these methods, the philosophic concept of unconsciousness and emphasizing the hero's mental world were used to describe humankind's mental world. The author of the novel by using physiological laws tried to show the complexity of human consciousness. Unconsciousness of hero revealed through dream worlds. The article focuses on the above-mentioned literature and aesthetic natures of the novel “Cold walls”.

Key words: absurdity, unconsciousness, Kubatbek Jusubaliev, dream worlds, modernism, stream of consciousness, psychology, covert, existentialism.

Закономерен тот факт, что после образов особенных героев писателя следующие персонажи книг

находятся в центре его внимания. К. Жусубалиев представил вниманию читателей совершенно нового героя, не похожего на своих предшественников, в романе «Холодные стены» (1969 г.). Основным образом в романе – Арыков. Несмотря на то, что Марсель Пруст (главного героя своего романа автор назвал Марселем), литературоведы и критики сходятся во мнении, что в произведении вовсе и нет “героев”. Главный герой романа К. Жусубалиева также – фантом; иначе говоря, сам роман «Холодные стены» – невольное создание ассоциативных связей, воспоминаний, поскольку автор, в первую очередь, интересовался ментальный мир человека – поток сознания; изменчивые течения человеческой психики. Во все неспроста рассказчик из романа Жусубалиева называет главного героя то “сыном арыка с водой” (арык – небольшая, чаще рукотворная канава азиатов, по которой течёт вода), то “Арыковым”. Это объясняется специфической природой произведения, созданного для исследования безостановочного потока сознания, иначе говоря, автор вполне сознательно придаёт имени главного героя символическое значение. Ибо основное содержание романа составляют мотивы движения, каких-то действий, связанных с изменчивыми мыслями, происходящими в душе главного героя Арыкова (то, что сыном арыка является Арыков – свидетельствует о том, что мысли, мечты и поиски этого человека всегда находятся в беспрестанном движении, обновлении, очищении, словно текущая вода). Таким образом, основную сюжетную структуру романа составляют события одного дня из жизни главного героя – Арыков утром отправляется из дома на автостанцию, чтобы встретить своего отца, который должен был приехать из села. Не найдя отца, он возвращается домой. Затем он везёт тело, случайно умершего в городе отца в аил, чтобы похоронить. Эти поездки, встречи и разговоры с людьми из своего окружения, с которыми он встречался и общался в этот день, их отношение к нему, его противоречивые мысли и размышления, воспоминания, истинный смысл и глубину которых герой, как и самого себя, хочет понять – содержание книги.

Арыков – человек чувствительный, очень наблюдательный, глубокий, то, что обычно характеризуется как мятущаяся душа, страдающая от собственных противоречий, мыслей и чувств. Он пассивен, живёт особняком от среды, в которой вынужден находиться, в общем, – творческая натура. Рассказчик об этой стороне характера своего героя несколько раз повторяет в романе его воспоминаниями о словах своей бабушки: “Те горемыки, кого нет ни на вершине

жизни, ни на её дне, всегда живут мечтами. Коли по воле Всевышнего ты стал человеком, надо завершить хоть какое-то дело, вместо того, чтобы болтаться по середине”.

Литературовед В.Е. Хализев отмечал: “Новую и весьма оригинальную форму психологизм обрел в ряде литературных произведений 20-го столетия. Упорочился художественный принцип, именуемый воспроизведением «потока сознания»” [1, 293]. В романах Пруста, по убеждению С.Г. Бочарова, сознание героя опирается на воображаемые картины, создаваемые его воспоминаниями, мечтами, а само сознание свободно от стремления к неким действиям, оно представляется убежищем, защитой от мира, способной отодвинуть в сторону окружающую реальность, одновременно «поглотив» эту реальность, сделав её своей [2, 456]. Именно поэтому В.Е. Хализев отмечал: “Во французском “новом романе” 1960-1970-х годов (А. Роб-Грийе, Н. Саррот, М. Бютор) постижение и воссоздание нескончаемо текучей психики приводило к устранению из литературы не только “твердых характеров”, но и персонажей как личностей” [1, 293]. А Р. Барт писал: “Если известная часть современных литераторов и выступила против “персонажа”, то вовсе не затем, чтобы его разрушить (это невозможно), а лишь затем, чтобы его обезличить” [3, 407]. Знарок эстетики Ю. Борев пронизательно отмечал: “Литература “потока сознания” абсолютизирует внутренний мир личности, лишая его реальности, и укрепляет замкнутую на себя личность” [4, 388]. Учитывая вышеизложенное, вероятно, будет справедливым поставить образ Арыкова из романа К. Жусубалиева “Холодные стены” – как человека мягкого, замкнутого в себе, пассивного и оттого неспособного стать незаменимой частью окружающего его общества автоматически в один ряд с образами тех героев, которые, по убеждению литературоведа В.Е. Хализева, созданы авторами французских “новых романов”.

Конечно, если в романе поток сознания, происходящий в ментальном мире Арыкова, художественно описывается естественным явлением, то становится, что здесь многое состоит из бессознательных явлений и подсознательных чувств. Ведь по З. Фрейду “сновидение – это “царская дорога” к познанию бессознательного [5, 7]: только в сновидениях сохраняется истинная природа бессознательных явлений и подсознательных чувств – только в бессознательных явлениях раскрываются все двери иррациональности. “Поэтому большую часть романа составляют ирреальные явления. К примеру, мысли, сновидения, события, хранящиеся в тайниках памяти, бред, сон об

отце, беседы героя с тоской и др.” [6, 14]. Как отмечал в своём труде “Завоевание иррационального” “отец” сюрреализма Сальвадор Дали: “То, что меня привлекает в области живописи – попытка с детализированной точностью материализовать конкретные образы боевого управления и иррациональности” [7, 31]. Также и К.Жусубалиев смог материализовать иррациональные образы сновидений Арыкова, самым искусственным образом соединив их с бессознательным.

Поток сознания, происходящий в ментальном мире героя, – “внутренние мысли-монологи героя о себе, внутренние диалоги, другие мысли бессознательного уровня изображаются писателем иногда параллельно с его воспоминаниями, иногда попеременно, иногда вовсе беспорядочно. В отдельных случаях то, что видит герой по пути, отдельные случаи или случайно услышанные слова прерывают мысли героя о себе и уводят в мир других мыслей...” [6, 14]. Это – художественный метод К. Жусубалиева при изображении потока сознания героя. Этот метод использован и при художественном раскрытии онейромотивов Арыкова (на основе сновидений тоже). Однако, до того как конкретно остановиться на сновидении Арыкова, и детально рассмотреть образы сна, нам следует определиться по нескольким позициям.

Друг и помощник Д. Джойса Сэмюэль Беккет (не очень крупный писатель) утверждал, что тексты Джойса следует не “читать”, а “видеть и слышать”. А это – призыв к читателю не быть пассивным, ведомым автором, а окунуться в события текста, стать их активным участником. Для читателя важнее не чрезмерное умничание, а попытка внимательнее наблюдать за ходом мысли автора, используя внутреннее зрение и остроту слуха. Это вовсе не новая модель взаимодействия органов чувств: таким образом обычно прочитывается детектив. Если подобный приём освоен – связь с книгой установлена, ибо автор умеет вызвать интерес. А комментарий к роману играет лишь дополнительную роль, может быть, роль и несколько крупную, чем обычно, ведь роман интеллектуален, автор любит усложнять, делать загадочнее [8, 550], - утверждает С. Хоружий в статье “Вместо послесловия” к роману Д. Джойса “Улисс”.

Роман К. Жусубалиева “Холодные стены” тоже относится к типу интеллектуальных романов. Интеллектуальная природа этого произведения наблюдается не только в общей художественной структуре романа, но и в сюжетных эпизодах и мотивах, изображающих бессознательные чувства и подсознательные мысли Арыкова. К.Жусубалиев пришёл к изображению мира бессознательного своих героев, будучи

хорошо подготовленным. Об этом свидетельствует, в частности, второй сон “Арыкова о собственной смерти”, являющийся литературным сном и занимающий значительный объём в художественной структуре романа (ибо в общей художественной системе романа он занимает более трёх страниц). В литературном сне идеи и впечатления прочитываемого сознания писателя встречаются в избытке. Заметно, что при изображении литературного сна автор проделывал это специально как сознательно, так и бессознательно.

Сон Арыкова не является отдельной частью общей структуры романа, наоборот, он становится одним из содержательных элементов потока сознания в нём, одним явлением, органически сливаясь в семантическом плане с его общей художественной структурой. Идеи и впечатления автора, представленные в литературном сне (это ситуативные события сна, смутные представления о потустороннем мире, образы давно умерших родственников, мифологические модели, сопряжённые с образами сна, чувственные призрачные картины, подаваемые в виде образных примеров), не предоставляются читателю в виде ключа, позволяющего открыть дверь в мир бессознательного Арыкова. Однажды, под впечатлением просмотра фильма Тарковского Ингмар Бергман заявил: “Неожиданно я оказался на пороге комнаты, ключей от которой мне до тех пор не давали. Там, куда мне давно хотелось попасть, Тарковский чувствовал себя свободно и уверенно” [9, 5].

Так и К.Жусубалиев искусственно усложняет, делает загадочным бессознательный мир главного героя. Конечно, если в литературном сне изображается сверхреальный (сюрреалистический) мир бессознательного героя, то можно утверждать, что, в первую очередь, здесь велика роль фрейдистского учения; внимательный читатель сразу же понимает, что этот сон героя не просто небольшой фрагмент его жизни этого периода, а концентрированная картина, сотканная из всего, что происходило в жизни героя с детства до сего дня. При создании писателем образа-модели многотрудной жизни героя, сконцентрированной в литературном сновидении, в творческом сознании автора, безусловно, стояли фантазии о “коллективном бессознательном” – “индивидуальном бессознательном” и теория “архетипа”, как первообраза, из учения Юнга. В изображении потока сознания героя, его бессознательных представлений явно видно большое влияние на автора творчества крупного писателя модернистского течения Ф.Кафки: К.Жусубалиев обобщает и включает в мифологические модели ситуативные события и образные явления сновидения,

подобно Кафке. Кафка прекрасно владел и другими модернистскими приёмами (к примеру, такими как изменчивость) – в глубину образов-символов сновидений он включал мифологические модели. При изображении мира бессознательного у Арыкова, символов, ситуативных моментов, чувств, кроме того использованы признаки экзистенциальной философии и идеи абсурда из произведений представителей экзистенциального течения Ж.П. Сартра и А. Камю. Кроме того, здесь мы встречаем видоизменённые вариации онейрических представлений и библейско-коранических мифологических мотивов, трансформированные явления народных погребальных традиций и обычаев, подвергшиеся изменениям образы из фольклора. При раскрытии бессознательного в своём герое Арыкове (литературный сон), автор сознательно и весьма удачно использует свой богатый читательский опыт: психологические, философские, событийно-ситуативные, мифологические, социально-этнографические, фольклорные явления и установки мира бессознательного (в сновидении), в образах, символах, интуитивных чувствах. В то же время эти материалы служат автору исходными средствами для создания, поддержания и углубления изображения чувств героя (Арыкова), его действий и поступков в сюжете, отношений с теми или иными персонажами, средой общения в соответствии со спецификой сновидений, не адекватностью их содержания. Они придают произведению новые смысловые нюансы и краски, являются ключом для открытия мира бессознательного героя.

Второе, что следует сказать по поводу сна Арыкова, состоит в том, что Сальвадор Дали в своих субъективных чувствах воспринимал мир в загнивающем, умирающем состоянии: поэтому мир этот он объективизировал в образах своего субъективного восприятия и с помощью присущих его творческой манере стиливых средств-образов, символов, приёмов – передавал в своих картинах и полотнах. Точно также главный герой романа К. Жусубалиева “Холодные стены” Арыков воспринимает мир, в котором несравнимо больше добра, чем зла, в негативном плане, как средоточие трагичности, множества смертей и потерь; потому он видит в своей жизни больше драматических мук, мало того, сюжетное бытование главного героя от начала до конца произведения окрашено беспросветно чёрными красками. Автор использует народный традиционный плач-кошок по усопшему в качестве эпиграфа к своему роману для того, чтобы в самом начале произведения показать, что оно художественно исследует те различные явления, которые

словно буйный селевой поток вторгаются в ментальный мир Арыкова, перманентно текущего, обновляющегося и ищущего, словно вода. Идея, заключённая в эпиграфе, призвана опосредовано показать читателю: в плаче-кошоке мир бессознательного намного раньше, чем сознательные действия приводят лирическое “я” к пониманию, с помощью вещего сна предстоящей личной трагедии:

“Случайно лёг и снится сон,
Озёра чёрные я вижу.
Поверх чернеющих озёр,
Плывёт чёрный селезень.
Чёрные озёра – мои слёзы,
Чёрный селезень – моя голова” [10, 2].

М. Токтогулова отмечала, что цветовые и цифровые знаки призваны были служить психологически опосредованными средствами раскрытия идеи произведения: “От начала до конца в произведении преобладает чёрный цвет, который используется в архаическом значении. Архаическая семантика чёрного цвета, как свидетельствуют материалы многих учёных-исследователей архаической культуры, практически сродни таким понятиям, как “тяжёлая печаль”, “тоска”, “переживания”, “смерть”. Начиная с эпиграфа романа, как показало исследование, чёрный цвет архаического значения преобладает: из шести строк плача-кошока пять начинаются повторяющимися определениями “чёрный”, “чернеющий”, причём они приобретают различные смыслы. Во-первых, чёрный цвет, используя в архаическом значении, символизируют горе, печаль; во-вторых, чёрный цвет в словосочетаниях “моя чёрная голова”, “моя чёрная душа” имеет значение “одиночество”; в-третьих, слово “кара” (“чёрный”) в кыргызском языке имеет значение “многочисленный”, “бесчисленный”. Таким образом, можно отметить, что в романе часто используются мотивы, эпизоды, усиливающие архаическое значение чёрного цвета” [6, 13]. Чёрный цвет действительно является основным цветом, от начала до конца, пронизывающим сюжетную основу романа.

Поэтому в романе широко представлен мотив смерти. Его сюжетную основу тоже составляет гибель отца Арыкова. Вообще в его жизни много потерь: в произведении кроме смерти отца изображены и смерти бабушки, старика Уулбая, председателя. Несмотря на то, что смерть в романе изображается вместе с символом жизни – мотивом рождения нового человека – глубокая печаль сопровождает всю жизнь, являясь её перманентной спутницей: при рождении Арыкова умирает его мать, когда родился отец, умер его отец, т.е. дедушка главного героя. Основная идея романа –

философия жизни и смерти. Говоря словами самого Арыкова: “Смерть и Бренная жизнь, разве есть во Вселенной большая тайна, чем они” [10, 100]. Сюжетный мотив, когда снится сон о своей гибели (как и условный сюжетный эпизод), – основная сюжетная идея, намекающая на присутствие в жизни Арыкова парадигмы “жизнь/смерть”. Его мир бессознательного извещает через этот сон о будущей потере им отца в форме бессознательного.

В произведении сон приходит в сознание Арыкова в ассоциативной форме, попытки вспомнить событие, которое происходило когда-то в четвёртом классе – мотив вспомнить с самого начала и рассказать тот давнишний сон, хранящийся в закоулках долговременной памяти и связанный с тем событием. Действительно, этот сон – сон вновь и вновь повторяющийся и мучающий его сознание через его мир бессознательного... “Обычно в прежних снах он просыпался, когда заднее колесо той телеги только начинало его переезжать. Интересно, в этот раз он вовсе не проснулся”. Продолжая спать без просыпа, на этот раз он видит долгий сон о своей смерти: видит его даже с продолжением, начиная именно с того места, где был перерыв. Почему он раньше просыпался, когда заднее колесо телеги только начинало переезжать его, и почему в этот раз не проснулся и продолжал видеть

следующее событие после того, как колесо телеги переехало его? Вот на такой “неправильности” сна и держится психология Арыкова.

Литература:

1. Хализов В. Е. Сознание и самосознание персонажа: Психологизм/ В кн.: Теория литературы. - М.: Высшая школа, 2005. - С. 293.
2. Бочаров С. Г. Пруст и поток сознания // Критический реализм XX века и модернизм. - М.: Наука, 1967. - С.456.
3. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты. Статьи. Эссе. - М., 1987. - С.407.
4. Боров Ю. Эстетика. - М.: Политиздат, 1988. - С.388.
5. Лейбин В. Царская дорога к бессознательному / В кн.: З. Фрейд «Сон и сновидения». - М.: АСТ-ЛТД, 1997. - С.7.
6. Токтогулова М.Ы. Творческие поиски Кубатбека Жусубалиева (на кырг. яз.) // Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. - Бишкек, 2001. - С.13 -14.
7. Якимович А. Сюрреализм и Сальвадор Дали / В кн.: С. Дали. Дневник одного гения. - М.: Искусство, 1991. - С.31.
8. Хоружий С. Вместо послесловия / В кн.: Д. Джойс. Улисс. - М.: Республика, 1993. - С.550.
9. Тарковская М.А. О Тарковском. - М.: Искусство, 1989. - С.5
10. Жусубалиев К. Муздак дубалдар. - Б.: Адабият, 1991. - С.2, 100.